

ИНСПЕКТОР ПОЛИЦИИ РАЗБИРАЕТ СВОИ ДОСЬЕ: АНАТОМИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Если Монпельерский буржуа пытался разложить по полочкам жителей провинциального города [речь идет о предыдущей главе книги], то полицейский офицер из Парижа отбирал и подшивал к делу сведения о другой городской породе: интеллектуалах*. Хотя слово для обозначения этой породы еще не было изобретено, интеллектуалы плодились и размножались в мансардах и кафе, а полиция уже установила над ними свой надзор. Наш полицейский чин, Жозеф д'Эмри, инспектировал книготорговлю, отчего в поле его зрения входили и сочинители книг. Он разузнал подноготную стольких из них, что его бумаги представляют собой настоящую переписку парижских литераторов — начиная от знаменитых *philosopher*** и кончая самыми сомнительными из наемных писак. На основе этих документов перед нами возникает портрет интеллектуала в самом расцвете Просвещения, когда данный социальный тип только начал формироваться. В них также можно вычитать, как относительно просвещенный чиновник дореволюционной Франции пытался разобраться в новом явлении, т.е. наложить систему координат на окружающую действительность в том виде, в каком она представала своеобразному взгляду блюстителя порядка.

Этим обзором д'Эмри, разумеется, не собирался вносить вклад в социологию культуры и тем более подвергать сомнению ее эпистемологическую основу. Он просто исполнял свою работу, т.е. инспектировал. За пять лет, с 1748 по 1753 год он составил 500 донесений о писателях, которые теперь лежат в неопубликованном виде в Национальной библиотеке. Трудно сказать, зачем именно он предпринял такой труд. Его рапорты собраны в трех толстых амбарных книгах под названием «Сведения о писателях» («Historique des auteurs») — без вступительного слова, пояснений и указаний на то, каким образом использовались эти материалы. Возможно, д'Эмри, который занял свою должность в январе 1748 года, хотел составить досье, чтобы возможно эффективнее следить за благочинием на вверенной ему административной территории. Надо сказать, что в эти первые пять лет ему досье досье прощались все бы не читали в книгах, в число которых вошли «Энциклопедия», «О духе законов» Монтескье, «Рассуждение о науках и искусствах» Руссо, «Письмо о слепых в назидание зрячим» Дидро, «Естественная история» Бюффона, «Нравы» Туссена и скандальная диссертация аббата де Прада. Казалось, всем идеям Просвещения понадобилось срочно излиться в печатной форме именно в этот период. А ведь одновременно идеологическая обстановка накалялась и другими вещами: налоговыми реформами Машо д'Арнувиля, противостоянием иезуитов и янсенистов, брожением умов, вызванным *billets de confession* (свидетельствами о причастии), борьбой между короной и парламентами, а также духом фрондёрства, появлению которого способствовал позорный для Франции Ахенский мирный договор. Сколь бы абсолютной ни провозглашала себя монархия, она должна была прислушиваться к общественному мнению и знать, чем дышат люди, которые направляют это мнение своим пером.

Новая должность как нельзя лучше подходила нашему инспектору, а потому он методично взялся за дело. В составлении досье ему помогали самые разные источники: газеты, соглядатаи, консьержки, любители посплетничать в кафе и протоколы допросов в Бастилии. Впоследствии он выбирал из дела нужные сведения и заносил их на бланки отчетов (донесений) с отпечатанными типографским способом графами, эти листы подшивались в алфавитном порядке, и он дополнял записи по мере поступления новой информации. Д'Эмри вел свои досье куда более тщательно, чем это практиковалось ранее, и все же его методика кажется довольно примитивной в свете последующей истории политического сыска. Вместо того чтобы заносить данные в компьютер с помощью специальной программы, Д'Эмри пересказывал анекдоты. Например, докладывая про Кребийона-сына, он записывает: «Его отец сказал: "Я сожалею о сотворении всего двух вещей, Семирамиды и сына". — "Не волнуйся, — отвечал сын. — Никто и не думает приписывать хотя бы одну из них тебе"». Мало того, что Д'Эмри проявлял при подборе материала несвойственное ученым чувство юмора, он еще выказывал завидное литературное чутье. По его наблюдениям, Ла Барр сочинял приличную прозу, но стихи у него не шли. А за Роббе де Бовезе водился противоположный грех: «В его поэзии есть признаки таланта, но он пишет грубовато, и ему недостает вкуса». Д'Эмри вряд ли пришелся бы ко двору в ФБР или во французском Втором управлении***.

Вот почему было бы ошибочно видеть в рапортах Д'Эмри точные данные типа тех, которые мы получаем в результате переписки; но было бы еще более ошибочно отвергать его сведения за излишнюю субъективность. Наш инспектор полиции знал такие подробности о литературной среде XVIII века, о каких может только мечтать современный историк. Его рапорты являются самым ранним из известных нам отчетов о писателях как социальной группе, причем в период, крайне

интересный с точки зрения истории литературы. Более того, его сведения можно сверить с огромным массивом информации из биографических и библиографических источников.

Простудировав весь этот материал и сведя его к статистическим данным, мы впервые имеем возможность четко представить себе литературную республику в Европе раннего Нового времени.

Д'Эмри оставил сведения о 501 человеке, но 67 из них либо вообще не публиковались, либо напечатали по несколько строк в литературном еженедельнике «Меркюр» («Меркурий»), так что у него было охвачено 434 действующих писателя. Из них можно установить дату рождения в 359 случаях, место рождения — в 312 и социально-профессиональную принадлежность — в 333 случаях. Таким образом, статистическая база достаточно широка для некоторых более или менее точных выводов.

Но насколько широко раскидывал свои сети Д'Эмри? Единственный источник, по которому мы можем это проверить, — то «Литературная Франция», антология, которая в 1756 году включила в себя якобы полный список современных французских писателей. Поскольку в этом списке 1187 имен, похоже, го Д'Эмри охватил около трети из них. Но какой именно трети? Этот вопрос влечет за собой необходимость дать определение «писателя». Д'Эмри пользовался словом *auteur* («автор», «сочинитель»), не уточняя его, тогда как авторы «Литературной Франции» претендовали на то, что в их список вошли все, кто издал хотя бы одну книгу. Зато перечисляемые ми «книжки» — это в основном незначительные, проходные сочинения: проповеди сельских кюре, речи провинциальных сановников, медицинские брошюры захолустных докторов, вообще любые печатные материалы, которые кто-то захотел помянуть, поскольку составители пообещали включить в вой список любые книги любых авторов, сведения о которых им сообщит общественность. В итоге антология отдает Предпочтение мелким провинциальным сочинителям. Д'Эмри же имел дело с широким кругом писателей, хотя ограничивался преимущественно Парижем. Резонно сделать вывод, что его материалы покрывали существенную часть современных литераторов и что извлеченные из них статистические данные дают вполне достоверную картину литературной среды в столице Просвещения.

© Р. Дарттон. Великое кошачье побоище...

© Демографическая структура группы отражена в диаграмме на рис.1. В 1750 году возраст писателей составлял от девяти до тридцати лет (Фонтенель) до шестнадцати (Рюльер), но в большинстве своем они были сравнительно молоды Тридцативосьмилетний Руссо представлял медианный возраст (т.е. был ровно посередине возрастной шкалы). В более узкий круг энциклопедистов входили в основном люди между тридцатью и сорока годами, от Даламбера, тридцати трех лет, до Дидро, тридцати семи. Иначе говоря, выпирающий столбик на диаграмме фактически отражает определенное писательское поколение. За некоторыми исключениями вроде Монтескье и Вольтера, которые одной ногой стояли во Франции Людовика XIV, «философы» принадлежали к поколению, достигшему в середине XVIII века расцвета своих сил.

Географическое происхождение писателей, представленное на рис.2, подпадает под привычную схему. Юг производит впечатление отсталого — кроме городов, разбросанных вдоль Гаронны и в дельте Роны. Три четверти сочинителей родилось к северу от знаменитой линии между Сен-Мало и Женевой, т.е. в северной и северо-восточной Франции, где сосредоточивалось наибольшее число школ и грамотных. Париж дал около трети сочинителей (113). Так что наша карта не подтверждает другого распространенного в истории культуры мнения, а именно, что Париж эксплуатировал остальную страну, высасывая из провинции соки в виде талантливой молодежи. В столице 1750 года оказалось противу ожидания много писателей, родившихся именно там.

Практически любая попытка проанализировать социальный состав группы французов, живших двести лет тому назад, обречена на провал из-за ошибочных данных и неоднозначной системы классификации. Но в данном случае три четверти писателей могут быть совершенно точно отнесены к одной из категорий таблицы (рис.3). В оставшуюся четверть «неопознанных» сочинителей (т.е. тех, основное занятие которых определить невозможно) входит значительное число *gens sans etat* (лиц без определенного занятия) — наемных работников, которые брались то за одну работу, то за другую, как, между прочим, в течение долгих лет поступали Дидро и Руссо. Какими бы полными ни были прочие сведения о них, они не поддаются классификации и статистическому исследованию. Однако, сделав поправку на их существование (совершенно не удивительное при огромной массе непостоянного населения Франции XVIII века), мы можем считать, что таблица представляет собой достаточно надежное свидетельство о социальном составе литературной республики в Париже.

Привилегированные слои играли куда большую роль у Д'Эмри, чем им отводилась в структуре населения в целом. Семнадцать процентов «опознанных» сочинителей были дворянами. Хотя некоторые из них, подобно Монтескье, были весьма серьезными писателями, большинство оставалось чистыми дилетантами, лишь изредка пописывавшими стихи или легкие комедии. Подобно маркизу де Польми, который печатал новеллы под именем своего секретаря, Никола Фромаже, они

часто не хотели, чтобы их собственные фамилии ассоциировались с такими пустяками. Кроме того, они не собирались торговать своими сочинениями: по наблюдению (д'Эмри, граф де Сен-Фуа «трудится, как истинный джентльмен, и никогда не берет денег за пьесы»). Писатели-аристократы обычно фигурируют в донесениях в качестве посредников, помогающих добиться покровительства литераторам более скромного происхождения.

Сочинительством нередко занимались в дополнение к основной профессии духовенство, и таких писателей тоже было немало — 12%. Только четверо принадлежали к высшему клиру, тогда как аббатов было несколько десятков, в том числе Кондильяк, Мабли, Рейналь и «энциклопедическая» тройца: Ивон, Пестре и де Прад. Несколько священников (например, К.-Б.-Ш.-М. де Бове и Мишель Дежарден) продолжали сочинять придворные проповеди и похоронные панегирики в стиле Боссюэ, но в большинстве случаев придворный клирик уступил место вездесущему аббату Просвещения.

Хотя 70% писателей происходило из третьего сословия, по кого можно считать «буржуа» в узком смысле слова, т.е. капиталистами, живущими на доходы от торговли и промышленности. Среди них был всего один купец — печатников сын Ж.-А.Урсель — и ни одного фабриканта. Отцы писателей отчасти проявляли деловую жилку: из 156 человек, занятие которых известно, насчитывалось и купцов. И все же литература процветала не столько на рыночной площади, скользко среди представителей ученых профессий и королевских чиновников. 10% литераторов были врачами или правоведами, 9% занимали невысокие административные должности, а 16% принадлежали к государственному аппарату (если сюда можно отнести магистратов из высших и низших провинциальных судов). Самая большая группа отцов, 22 человека, служила в низших административных органах, следующая по количеству — __ человек — представляла правоверов. После изучения статистических данных и нескольких сот биографических очерков напрашивается вывод о том, что за многими литературными карьерами стоял честолюбивый и умный государственный чиновник. Французская литература в неоплатном долгу перед *commissaire* (коллежским служащим), правоведам и аббатом. Последнюю породу представлял, в частности, Преро. Сын юриста, ставшего судебским чиновником в городе Эдесе. Преро был более чем аббатом. По словам д'Эмри, «он состоит во всех известных религиозных орденах».

Что касается добычи средств к существованию, наиболее многочисленная группа писателей полагалась в этом деле на так называемые интеллектуальные профессии: 36% были газетчиками, педагогами, библиотекарями, секретарями и актерами или же имели доставшуюся им по протекции «синекурную» должность. Эта часть литературного населения ела хлеб с маслом, а коль скоро сочинители были обязаны им покровителям, то не только честно отработывали свой хлеб, но и блюли свою выгоду. Судя по сведениям д'Эмри, Франсуа-Огюстен Паради де Монкриф уж точно не упустил ее из вида:

«Он служил налоговым инспектором в одной из провинций, когда г-н д'Аржансон был там интендантом Его сладкозвучные стихи привлекли к нему внимание д'Аржансона, который привез его в Париж и дал ему должность. С этого времени он [Монкриф. — Р.Д.] всегда испытывал привязанность к своему покровителю. Еще он является генеральным секретарем французской почтовой службы — эта должность, которая приносит ему 6 тысяч ливров годового дохода, досталась ему в подарок от г-на д'Аржансона».

В низах литературного населения довольно большую его долю, 6%, составляли лавочники, ремесленники и мелкие служащие. Сюда относятся как мастера высшего разряда (печатник, гравер, художник-эмальер), так и представители относительно более скромных ремесел — шорник, переплетчик, привратник и два лакея. По свидетельству д'Эмри, один из лакеев, Вьолле де Ваньон, выпустил в свет свою книгу «Сочинитель-лакей» с помощью слуги и лавочника. Общеизвестно, что Шарль-Симон Фавар приобрел легкость в стихосложении, слушая, как импровизирует песни его отец, замешивая тесто для пирожных в семейной кондитерской. Таким образом, низшие классы тоже играли определенную роль в литературной жизни предреволюционной Франции — довольно серьезную роль, если принять во внимание писательских отцов, 19% которых принадлежали к беднейшим слоям. В основном это были простые ремесленники: сапожники, пекари или портные. Карьеры их сыновей, ставших правоведами, учителями и журналистами, доказывают, что для владеющих пером молодых людей иногда открывались феноменальные возможности продвижения по социальной лестнице. Литературный мир оставался закрыт только для одного слоя населения — для крестьянства. Конечно, д'Эмри не искал писателей в деревне, но он не обнаружил ни одного выходца из крестьянской среды даже среди писателей, которые прибыли в Париж из провинций.

Ретиф де ла Бретонн был исключением, литературная Франция оставалась по преимуществу городской.

Она также была в основном мужским царством. Несколько дам пробились в инспекторские досье, будучи хозяйками знаменитых салонов, но лишь шестнадцать женщин сами напечатали хоть строчку. Большинство сочинительниц — подобно самой знаменитой из их числа, г-же де Граффины, — обращались к писательству, овдовев или разойдясь с мужьями. Большинство обладало богатством и независимостью. Двое учительствовали. Одна, Шарлотта Буретт — *la muse limonadiere* (букв. «лимонадная муза») — держала лавочку с прохладительными напитками. Рассказ д'Эмри о куртизанке, мадемуазель де Сен-Фалье, читается как краткий сюжет романа. Уйдя от отца, парижского торговца лошадьми, она поступила горничной в дом богатого финансиста, сын которого соблазнил и похитил ее. Но отец добился ареста сына, а затем вынудил его жениться на ровне, бросив мадемуазель де Сен-Фалье на улице. К тому времени как на нее наткнулся наш инспектор, она превратилась в содержанку, являлась с актрисами и готовилась опубликовать свою первую книгу, «Возвращенный бумажник», которую посвятила мадам Помпадур.

В записях, вносимых д'Эмри в графу *histoire*, были и более грустные истории, ведь многих литераторов судьба бросала из огня да в полымя — из мансард на самое дно, зачастую с остановкой в Бастилии. Примером такой жизни может служить Л.-Ж.-К. Сулас д'Алленваль. Не в силах прокормиться на доходы от фарсов, которые он сочинял для театра Итальянской комедии (*Comedie Italienne*) в Париже, д'Алленваль занялся нелегальной журналистикой и политическими пасквилями, за что угодил прямехонько в Бастилию. Выйдя на свободу, он еще больше погряз в долгах. В конце концов писатель остался даже без бумаги: в счет непогашенного долга в 60 ливров торговец канцелярскими принадлежностями забирал у д'Алленваля жалкие гроши, которые выдавал ему театр. Д'Алленваль стал ночевать *d la belle etoile*, т.е. просто-напросто на улице. Его здоровье пошатнулось. О

дальнейшей судьбе бедняги д'Эмри рассказывает так:

© Р. Дарнтон, Великое кошачье побоище...

© Век Просвещения 2005

«9 сентября 1752 года с ним случился апоплексический удар на обеде у г-на Бертена из ведомства нерегулярных доходов, который сунул ему карман два дуэляра в штормовом мундире. Поскольку ухаживать там за ним было некому, его поместили в *Hotel-Dieu* [больницу для нищих — Р.Д.], где он прозябал весьма долго. Он до сих пор парализован, посему вынужден теперь искать место в Бисетре [психиатрической лечебнице] или в *Ies Incurables* [больнице для безнадежных пациентов] Какой печальный конец для талантливого человека...»

д'Эмри куда меньше сочувствовал Франсуа-Антуану Шеврье — «наглому лжецу, мошеннику, человеку язвительному, требовательному и невыносимо самонадеянному». Не снискав славы в качестве юриста, солдата, драматурга и поэта, Шеврье обратился к сочинению памфлетов, нелегальной журналистике и шпионству. Полиция гналась за ним с *lettre de cachet* (королевским указом о заточении в тюрьму) через всю Германию и Нидерланды, но, когда Шеврье уже готовы были схватить в Роттердаме, он взял да умер. Зато полиция добилась своей цели с человеком по имени Эмманюэль-Жан де Ла Кост — лишенным духовного сана пятидесятидевятiletним монахом, которого приговорили к бичеванию кнутом и пожизненной каторге. Его выловили в Льеже, куда он сбегал с молоденькой девушкой и где перебивался продажей антиправительственных памфлетов, поддельных лотерейных билетов и, вероятно, услуг самой девушки. Эти люди относились к категории писак с Граб-стрит — низкопробной богемы, составлявшей значительную часть литературного цеха. Разумеется, большинство сочинителей не падало столь низко, как д'Алленваль, Шеврье или Ла Кост, но многие прошли через испытание, типичное для Граб-стрит: *embastilleriient* (заточение в темницу). Сорок пять писателей (10% из тех, на кого собирал материал д'Эмри) по крайней мере однажды подвергались заключению в государственную тюрьму, обычно в Бастилию. Если 14 июля 1789 года Бастилия была почти пуста, это о многом говорило людям, сделавшим ее накануне Французской революции главным символом радикальной агитации.

Понятно, что в 1750 году никто не мог предвосхитить 1789 год. В середине века кое-кто из литераторов проявлял норовистость, но никак не революционность. Сочинители в основном боролись за рецензию в «Меркюре», за *entree* (контрамарку) в «Комеди франсез», за место в Академии. Они добывали себе пропитание самыми разными способами — кто-то жил за счет рент, кто-то за счет административных должностей, кто-то как врач или законовед, многих же кормила работа, словно предназначенная для владеющих пером: журналистика, преподавание, секретарство, а для наиболее везучих — синекуры. Они вели свое происхождение из всех слоев общества (кроме крестьянства) и из всех уголков королевства (кроме отсталых районов Юга). Среди них было небольшое число женщин и множество способных молодых людей (сыновей мелких чиновников или

ремесленников), которые добивались стипендий на учебу, публиковали стихи, а потом становились адвокатами и чиновниками... или, в очень редких случаях, профессиональными писателями, жившими, подобно Дидро, *aux gages des libraires* (на содержании у книгопродавцев, т.е. издателей).

* * *

Было бы весьма приятно закончить на этой ноте — выявив общую структуру писательского мира и обнаружив в ней место «философов». Но, к сожалению, теоретики литературы научили историков осторожности в обращении с текстами, которые при критическом чтении могут обратиться в пустую болтовню, какими бы надежными эти источники ни представлялись поначалу. Историк не следует рассчитывать, что полицейские рапорты представляют собой крупинки чистой реальности и что для воссоздания прошлого ему достаточно выловить их в архивах, разложить на части для анализа и снова соединить вместе. Эти донесения — тоже своеобразные Конструкции, основанные на имплицитных предположениях о характере сочинителей и сочинительства в исторический период, когда занятия литературой еще не рассматривались как профессия.

Составляя свои рапорты, д'Эмри и сам выступал в роли писателя. Он тоже играл роль в литературной республике, хотя оставался подчиненным генерал-лейтенанту полиции и другим официальным лицам французского государства. Литературный вкус сочетается в донесениях с бюрократической дотошностью, которая кажется неслыханной для большинства современных полицейских органов. Помимо замечаний о религиозных и политических взглядах поднадзорных, в записях не менее часто встречаются оценки их писательского мастерства. Например, д'Эмри включил в досье на маркизу де Креки трехстраничный отрывок из ее текста — не потому, что он имел какое-либо отношение к идеологическим проблемам того времени, но исключительно для подтверждения того, как замечательно она пишет. Он хвалил «тонкий вкус», «остроумие» и «талант», у кого бы их ни обнаруживал, даже если это были «отвратительные субъекты» вроде Вольтера. Его любимым словом было *esprit* (ум). Похоже, он прежде всего искал писателя именно потому, что ум компенсировал многие отклонения от прямого и праведного пути. Аббат Поль-Франсуа Велли был «очень умным человеком» и блондином, но ведь «свекровь почти все монахи, когда ухаживала из монастыря». То же самое относилось и к Жану-Пьеру Бернару, «умному» священнику, которому особенно удавались похоронные речи: «Веселый старикан, пенит удовольствия и пользуется любым случаем, чтобы провести вечер с девочками».

д'Эмри понимал многое в этом мире. Его не смущали некоторая непристойность и антиклерикализм, особенно если они выходили из-под пера «гения», как это было в произведениях Алексиса Пирона: «Его язвительное остроумие и репутация нечестивца не позволили ему стать членом Французской академии****. Г-н де Кребийон посоветовал ему забыть об избрании. Но "Неблагодарные сыновья", "Густав Ваза" и "Метромания" — достаточное свидетельство его гения. Он справится со всем, за что бы ни брался». д'Эмри восхищался «философами» — во всяком случае, более умеренными из них, вроде Фонтенеля, Дюкло и Даламбера. Но его ужасал атеизм: очевидно, инспектор искренне верил в ортодоксальные догмы. Его взгляды проступают во всех рапортах, но особенно наглядно — в брошенных походя замечаниях о второстепенных сочинителях, например, в донесении на Жана-Батиста Ле Маскрие:

«Долгое время был иезуитом. Редактировал "Тельямед" и другие издания для книгопродавцев. Принимал участие как соавтор в "Религиозных обрядах" и занимался обработкой "Воспоминаний г-на де Майе об описании Египта", которые представляют его в выгодном свете благодаря литературности слога. Пишет весьма неплохие стихи, что подтверждается прологом к пьесе, поставленной несколько лет тому назад.

Бенедиктинцы, у которых он служит теперь, также признают его способным человеком. Жаль, что он мало сочиняет сам Он опубликовал замечательную книгу о благочестии, необходимую каждому верующему, но близкие к нему люди утверждают, что необходимость постоянно служить образцом для других становится ему в тягость».

Короче говоря, д'Эмри обзореваает свои литературные владения с сочувствием, юмором и пониманием литературы. Разделяя некоторые взгляды вверенных его надзору людей, он, однако, был тверд в своей приверженности государству и церкви. Было бы анахронизмом представлять его в виде современного полицейского или же видеть в его работе охоту на ведьм. На самом деле это было явление менее знакомое и более интересное: сбор информации в эпоху абсолютизма. Никто не рассчитывал вскрывать революционные заговоры в середине XVIII века, когда революция была немыслима, однако при Бурбонах многие королевские чиновники хотели иметь можно больше сведений о своей стране — численность ее населения, объем торговли, выпуск печатной продукции и т.п. д'Эмри входил в тот же ряд «рационалистических» официальных лиц, что Кольбер с Вобаном и

Тюрго с Неккером. Просто он действовал на более скромном уровне (инспектор Книжной торговли считался чуть ниже инспектора мануфактур), и его досье не могли соперничать размахом с теми обзорными своих епархий, которые предпринимали отдельные министры и интенданты.

В тексте отчетов есть свидетельства того, как они сочинялись. Нередко можно встретить фразы типа «См. прилагаемые листы» или «См. соответствующее досье», которые свидетельствуют о том, что Д'Эмри вел отдельное дело на каждого писателя. Хотя эти досье не сохранились, имеющиеся на них ссылки подсказывают нам, какие это были материалы. Среди прочего там были собраны: вырезки из газет и журналов, проспекты от книготорговцев, записи, которые делал Д'Эмри во время своих инспекционных обходов, протоколы допросов в Бастилии, письма от писателей, стремившихся снискать его милость или подорвать доверие к своим врагам, а также донесения от шпионов, собиравших сведения для генерал-лейтенанта полиции. На некоторых соглашениях у Д'Эмри тоже были заведены досье. Из отчета о Шарле де Фье, шевалье де Муи, явствует способ их работы: «Он согладалтай месье Беррье [генерал-лейтенанта полиции. — Р.Д.], которому ежедневно доносит обо всем, что видел в кафе, театрах и общественных парках». О деятельности Муи упоминается и в других местах — например, в рапорте на Матье-Франсуа Пиданса де Меробера: «Его только что арестовали и препроводили в Бастилию за распространение в кафе стихов, порочащих короля и г-жу маркизу [де Помпадур. — Р.Д.]. Несколько было даже обнаружено у него в карманах. Донес на Меробера шевалье де Муи». Доносы поступали также от брошенных любовниц, обозлившихся сыновей и забытых жен. Книготорговцы и печатники поставляли неиссякаемый поток информации об авторах своих изданий — и тем более изданий своих соперников. Прочие подробности докладывали хозяйки пансионеров и кюре, в основе же многих других досье лежали факты, выловленные Д'Эмри из досужих разговоров соседей, которые отнюдь не всегда были настроены злобно. Так, про Этьенна-Андре Филиппа де Прето сказано: «А ведет он себя вполне благопристойно. Он женат и имеет детей, что вынуждает его к належащему поведению. Соседи отзываются о нем очень хорошо».

Прежде чем составлять рапорт, Д'Эмри занимался отбором материала. Анализировать и отбирать материал наверняка было непросто, поскольку досье попадали как неоспоримые факты, так и просто сплетни. Не случайно Д'Эмри использовал стандартные бланки — большие листы с шестью напечатанными жирным шрифтом графами: фамилия, возраст, место рождения, приметы, адрес и *histoire*. Большинство записей сделано четким почерком писца, но впоследствии Д'Эмри добавлял новые сведения собственной рукой, легко узнаваемой по его письмам и докладным, которые хранятся в Национальной библиотеке. Почти половина рапортов датируется первым числом месяца, а многие — первым числом года, из чего, вероятно, можно сделать вывод, что Д'Эмри отводил для работы над ними специальные дни, когда призывал одного из секретарей полицейского управления и диктовал отчеты, просматривая досье за досье и выбирая наиболее важные, на его взгляд, сведения. Вся эта процедура наводит на мысль о том, что полицейский инспектор работал систематично, как бы стремясь призвать к порядку непокорный мир чердачных бумагомарателей и салонных львов. Это стремление соответствует тяге к наведению порядка, которая присутствует в «Описании» Монпелье, только здесь она принимает иные формы: у Д'Эмри это свойственное современной бюрократии стремление к стандартизации, к разнесению по полочкам, к классификации и подшиванию бумаг в дело.

Д'Эмри олицетворяет собой одну из начальных фаз в развитии бюрократа, поэтому даже на стандартных бланках рапортов отчетливо слышен его собственный голос. Он писал от первого лица и в разговорной манере, весьма отличавшейся от бесстрастного и натянутого тона его официальных посланий. Если докладные записки и письма Д'Эмри нередко адресованы «монсьёру» Никола-Рене Беррье, генерал-лейтенанту полиции, то отчеты он, похоже, предназначал самому себе. Заполняя графу «место рождения» на листе, посвященном Ле Блану де Вилльневу, он, например, небрежно поправляет сам себя: «Из Лиона. Нет, я ошибся; он из Монтелимара, капитанский сын». В рапорте на шевалье де Коголена он замечает:

«1 июля 1752 года. Мне доложили, что он умер помешанным в доме своего брата, раздагчика милостыни при короле Польши и герцоге Лотарингском.

1 декабря. Это неверно».

В «истории» поэта Ле Дье содержалось столь же неформальное замечание: «Жюли говорила мне, что он пишет много стихов. Это верно». Изредка Д'Эмри прибегал к сквернословию и отзывался о важных особах в тоне, который не должен был понравиться его начальству. Чем пристальнее изучаешь донесения, стараясь понять, подразумевался ли у них читатель на какой-либо ступени французской администрации, тем больше склоняешься к мнению, что Д'Эмри писал отчеты для себя

и действительно прибегал к их помощи в повседневной работе, особенно в первые годы, когда ему было трудно ориентироваться в сложной субкультуре литературных фракций и издательских интриг.

Подобно каждому из нас, д'Эмри необходимо было видеть вокруг порядок, но еще ему нужно было не заблудиться на своем участке. Как полицейский инспектор «инспектировал» литературную республику? Для начала ему надо было научиться узнавать писателей — поэтому он достаточно тщательно заполнял графу *signalement* (приметы). Эти записи подсказывают нам, каким образом он смотрел на объекты своего наблюдения. Например, про Вольтера написано: «Высокий, сухопарый, похож на сатира». Такие описания отражали не только восприятие глазом картинки, в них присутствовал дополнительный смысл: «Гадкий, напоминает жабу, умирает с голоду» (Бенвиль); «толстый, неуклюжий, походка и обращение крестьянина» (Келюс); «смуглый, маленького роста, нечистый, развратный и мерзкий» (Журдан). Д'Эмри шел дальше простых категорий — красивый или некрасивый, высокого роста или низкого, — поскольку видел в лицах характеры. Так, о шевалье де Ла Морльере он пишет: «Толстый, полнолицый, с искринкой в глазах». Возможно, эта привычка читать по лицам выработалась благодаря физиогномике, псевдонауке, которая возникла в эпоху Возрождения и в последующие столетия получила широкое распространение через популярные брошюры⁹. В описаниях д'Эмри встречается множество замечаний типа «суровая физиономия и соответствующая натура» (Ле Рас), «весьма честная физиономия» (Фонсемань), «преотвратная физиономия» (Кок), «физиономия предателя» (Вьесезон), «гнусная физиономия» (Бильена) и «самая грустная физиономия на свете» (Буасси).

Были полны внутреннего смысла и адреса. Пиданса де Меробер жил один «в комнатах, которые снимал у прачки, в третьем этаже по улице Кордильер». Он был явно маргинальным типом, как и студент-поэт по имени Ле Брен, который обитал на «рю де ла Арп, напротив Гаркурова коллежа, в меблированных комнатах у парикмахера, во втором этаже с окнами на задь», или столь же безвестный стихотворец по фамилии Воже, проживавший «на улице Мазарини, в меблированных комнатах у первого парикмахера по левой руке, как выйдешь с перекрестка Буасси во втором этаже окнами на улицу, дверь напротив лестницы». Такие люди снисходительно относились к надзору. У них не было твердого положения, они не были связаны иудейством, семьей или дружескими отношениями с соседями. О них все было сказано адресами.

Обычно получить наилучшее представление о писателе позволяла рубрика *histoire*, почему д'Эмри и отвел ей на бланках больше всего места. Именно заполняя эту графу, он должен был отбирать материал из досье и определенным образом выстраивать его, поскольку его «истории» были повествованиями, не менее сложными по форме, чем крестьянские сказки. Некоторые из них читаются как дайджесты романов. Такова, например, «история» драматурга Шарля-Симона Фавара:

«Сын пирожника, большой умница, сочиняет самые смешные комические оперы на свете. После закрытия Комической оперы Мориц Саксонский поставил его во главе своего театра. Фавар заработал хорошие деньги в этой труппе, но потом влюбился в любовницу маршала, крошку Шантийи, и сделал ее своей женой, не возражая против того, чтобы она продолжала жить с маршалом. Этот счастливый союз просуществовал до конца войны, но в ноябре 1749 года Фавар и его жена поссорились с Морицем. Получив благодаря его влиянию место актрисы в театре Итальянской комедии и выкачав из него [маршала. — Р.Д.] кучу денег, мадам Фавар захотела расстаться с ним. Маршал добился у короля указа арестовать ее, а мужа выслать за пределы королевства. Супруги бежали, он — в одном направлении, она — в другом. Жену схватили в Нанси и заключили в темницу, сначала отправив в Лез-Андели, затем к покаянникам в Антре. Актеры подняли по поводу этой истории бучу, даже послали депутацию к герцогу Ришелье с требованием освободить свою товарку. Он заставил депутатов целую вечность ждать в передней. Наконец, когда о прибытии актеров доложили во второй раз, он согласился их принять, но прием оказал крайне холодный, а с Лелио [героем-любовником итальянской комедии, которого играл Антуан-Франсуа Риккони. — Р.Д.] и вовсе обошелся скверно, почему тот ушел из труппы. В результате мадам Фавар обрела свободу, только согласившись вернуться к маршалу, который не отпускал ее до самой своей смерти. Затем она воссоединилась с мужем, все это время скитавшимся по Франции. Вскоре она вновь стала играть в Итальянской комедии. Когда же была восстановлена Комическая опера, супруги захотели перейти туда. Но "итальянцы" предложили актрисе полную долю в своей

труппе, а ее супругу — пенсию в обмен на обещание регулярно сочинять для них пародии, так что теперь оба накрепко привязаны к этому театру».

Д'Эмри пишет простым языком и строит свое повествование в чисто хронологическом порядке, но историю он поведал отнюдь не простую. Не расцветивая ее собственными комментариями, он сумел передать мысль о том, как двое молодых людей низкого происхождения ухитряются выжить в мире придворных и королевских *lettres de cachet*. Но Д'Эмри не сентиментальничает по поводу судьбы угнетаемых. Напротив, он подчеркивает готовность Фавара делить жену с маршалом и ее умение обернуть это положение себе на пользу. И все же в этом рассказе чувствуется сильное подводное течение, которое уносит читателя прочь от возможных симпатий к богатым и влиятельным. Фавар отправляется на поиски своего счастья, как герой волшебных сказок. Он мал ростом, он беден и умен (в графе «приметы»: «низкорослый блондин, очень хорош собой»). После различных приключений в стране великанов — а Мориц Саксонский был в 40-е годы едва ли не самым влиятельным человеком во Франции после короля — он [Фавар] добивается своей возлюбленной, и они обретают счастье в «Комеди италянн». Композиционно история тоже очень похожа на сказку, а в качестве морали вполне подошла бы мораль из «Жана Киота», «Кота в сапогах» или «Маленького кузнеца». Но Д'Эмри не извлекал из своих рассказов морали. Он переходил к следующему рапорту, и можно только гадать, действительно ли вверенный его надзору литературный мир следовал модели, первоначально изобретенной в мире крестьян.

Как бы то ни было, полицейский рапорт содержал в себе элемент повествования, а «инспектирование» писателей происходило в контексте, полном многозначительного смысла, а потому «истории» можно читать как многозначные сюжеты, в которых раскрываются основные черты литературной жизни Франции старого порядка. Большинство «историй» гораздо короче, чем про Фавара. Некоторые состоят всего из двух строк, при этом не связанных в повествовательное целое. Но все они исходят из предположений о том, как функционировала литературная среда, из правил игры, действовавших в писательском мире. Д'Эмри не выдумывал эти правила. Вместе с самими сочинителями он принял их как должное и лишь наблюдал за тем, как они воздействуют на судьбы его подопечных. При всей субъективности этих наблюдений, они имеют значение и для других людей, поскольку отражают всеобщую субъективность, отражают социальную реконструкцию действительности, как ее понимали и его подопечные. Чтобы разгадать этот общий шифр, необходимо перечитать рапорты Д'Эмри, стараясь разглядеть то, что осталось между строк, — понимаемое всеми и потому невербализованное.

Возьмем, к примеру, донесение об одном из самых именитых граждан литературной республики. Франсуа-Жоашен де Пьер, аббат де Бернис, уже с двадцати девяти лет заседал во Французской академии, хотя опубликовал лишь несколько легковесных стихов и совершенно бездоказательный трактат под названием «Размышления о пристрастиях и склонностях». Будучи выходцем из знатного семейства и фаворитом мадам Помпадур, он стремительно поднимался по лестнице церковных и государственных чинов, которая в конечном счете привела его к шапке кардинала и должности французского посла в Риме. Какие сведения отобрал Д'Эмри для рапорта о таком человеке? Сообщив возраст Берниса (в самом расцвете — 38 лет), его адрес (вполне хороший — улица Дофина) и сведения о внешности (тоже хорошие — «красивая внешность»), он делает упор на шести пунктах:

1. Берниг был членом Французской академии, а также графом Бриудским и Лионским.
2. «Он бабник, предающийся разврату с княгиней де Роган».
3. Он был опытным придворным и протекже мадам Помпадур, которая через посредство герцога де Ниверне убедила Папу Римского предоставить ему бенефиции.
4. Он сочинил несколько «милых стихотворений» и «Размышления о пристрастиях».
5. Он находился в родстве с маршалом де Ла Фаром, который всегда выступал на его стороне в суде.
6. Он сам оказывал протекцию Дюкло, благодаря которой тот получил звание королевского историографа».

Д'Эмри уделил крайне мало внимания литературному творчеству аббата, давая его портрет через родственные связи, отношения типа клиент—патрон и «протекции» — ключевой термин всех донесений. Каждый, за которым осуществлялось полицейское наблюдение, искал, получал или оказывал протекцию — начиная от самых знатных аристократов и королевских любовниц и кончая самыми никудышными писателями. Если мадам Помпадур добыла Бернису должность аббата, то сам Бернис облагодетельствовал синекурой Дюкло. Так функционировала эта система, и полицейские не подвергали сомнению торговлю покровительством: они принимали ее как нечто само собой разумеющееся и в литературном мире, и во всем обществе.

Что она играла огромную роль для средних и низших слоев сочинителей, явствует из рапортов на писателей, которые стояли много ниже аббата де Берниса. Этим проторенным путем шел, например, Пьер Ложон. Как и многие другие литераторы, он сначала изучал право и писал стихи для собственного удовольствия. Версификаторство привело к успеху на сцене Комической оперы, успех привлек покровителей, а покровители обеспечили поэта синекурами. Это была классическая история удачи, все стадии которой четко прослеживаются у д'Эмри:

«Этот молодой человек весьма умен. Он сочинил несколько опер, которые исполнялись на сцене [Комической оперы, — Р.Д.] и в малых апартаментах Версальского дворца, что принесло ему протекцию мадам Помпадур, герцога Айенского и графа Клермонского, который предоставил ему пост секретаря по взысканию платежей. Граф Клермонский также назначил его секретарем наместничества в Шампани, и эта должность приносит ему три тысячи ливров годового дохода».

Понятно, что у Ложона были хорошие исходные данные: ум, привлекательная внешность («приметы»: «блондин с очень симпатичным лицом»), отец-стряпчий и родственница, которая была влюбленной графа Клермонского. И все же он хорошо разыграл свои карты.

То же можно сказать о Габриэле-Франсуа Куайе, хотя у него на руках было меньше козырей и он не поднялся в литературной иерархии выше среднего звена. Не имея ни богатства, ни родственных связей, ни блестящей внешности («неприглядная, вытянутая физиономия»), он тем не менее упорно сочинял книгу за книгой, в том числе беллетристику. Наконец ему подвернулся постоянный заработок, и он не замедлил ухватить его.

«Он священник, и весьма умный, хотя склонный к излишней педантичности. Очень долго бродил по парижским улицам без работы и без гроша в кармане, но в конце концов нашел место учителя в доме князя де Тюрэнн. Поскольку князь остался доволен его службой, то наградил Куайе должностью капеллана при главнокомандующем кавалерии. Так как в настоящее время доходы от этого звания идут графу д'Эвре, г-н де Тюрэнн положил ему пенсию в 1200 ливров, который он будет получать до смерти д'Эвре».

Один из протеже Берниса, Антуан де Лорес, занимал на социальной лестнице шаткое положение на низших ступенях среднего ее звена. Составляя первоначальный отчет о Лоресе, д'Эмри не мог предугадать, как повернется судьба молодого человека. С одной стороны, он происходил из хорошей семьи: его отец был дуайеном Счетной палаты в Монпелье. С другой — у него совсем не осталось денег. Если бы его оды к королю и к мадам Помпадур не принесли ему вскоре протекции, он бы просто умер с голоду на своем чердаке. Но, судя по позднейшей приписке к донесению, стихи возымели действие.

«Благодаря аббату де Бернису он сумел быть представленным маркизе [де Помпадур — Р.Д.] и, как он хвалился, добиться ее разрешения на то, чтобы поискать дела, которое бы принесло сколько-нибудь денег, и обещания, что она будет ему всячески способствовать. Спустя некоторое время, через посредство своего родственника г-на Монлезена, он был представлен графу Клермонскому, которого теперь обхаживает.»

На еще более низкой ступеньке замечательно трудился сын книгопродавца Пьер-Жан Будо — он составлял, обрабатывал и переводил множество трудов. Тем не менее средства к существованию Будо получал от покровителей. «Он очень умен и пользуется серьезной протекцией председателя суда Эно, который добыл ему должность в Королевской библиотеке», — пишет д'Эмри, прибавляя, что Будо считают подлинным автором «Краткой истории Франции», вышедшей под именем Эно. Одновременно пытался пробить свою дорогу на самом дне литературного мира и Пьер Дюфур, двадцатичетырехлетний сын владельца кофейни. Он работал мальчиком на побегушках в печатной мастерской, продавал запрещенные книги. Благодаря покровительству своего крестного, Фавара, он

примкнул к компании актеров и драматургов театров Итальянской комедии и Комической оперы, а затем каким-то образом втерся в доверие к графу де Рюбанпре, предоставившему ему жилье и незначительную протекцию. Д'Эмри изображает Дюфура подозрительной личностью, халтурщиком и обманщиком, который сочиняет и продает запрещенную литературу, а перед полицией притворяется, будто сам следит за тем, чтобы ее не распространяли: «Хитрый малый — и очень скользкий тип». Дюфур действительно много писал: у него свыше десяти пьес, сборник стихов, роман. Но ему не удалось использовать все эти сочинения, чтобы пробиться выше, поэтому в конце концов он бросил писать и поступил на работу в книжный магазин.

Постоянная, неослабная погоня за протекцией фигурирует практически во всех рапортах Д'Эмри о литературных карьерах. Франсуа Ожье де Мариньи слышит о вакансии, открывшейся в Доме инвалидов, и строчит стишки во славу графа д'Аржансона, который будет подыскивать, кем бы эту вакансию заполнить. Шарль Батте перевозит врача мадам Помпадур, за что получает место преподавателя в Коллеж де Наварр. Жан Дромгольд замечает, что в стихотворении, посвященном битве при Фонтенуа, недостаточно восславлена доблесть графа Клермонского. Он громит стихотворение в памфлете — и его быстренько удастаивают должности секретаря по взысканию платежей монсеньора графа Клермонского.

Таковы были реалии литературной жизни. И Д'Эмри невозмутимо регистрировал их — не морализируя по поводу низкопоклонства писателей или тщеславия их покровителей. Более того, его как будто даже шокирует случай, когда протеже не выказывает безоговорочной верности своему патрону. Антуан Дюранлон добился благосклонности семейства Роганов, которое, будучи довольно его учителем в их доме, содействовало назначению Дюранлона директором Коллежа мэтра Жерве. Однако стоило Дюранлону занять эту должность, как он встал на сторону противников Роганов, одной сорбоннской группировки, у которой возник спор с аббатом де Роган-Гемене по поводу каких-то писем. Роганов добился снятия Дюранлона с должности и ссылаясь Брис и подделом ему, замечает Д'Эмри, поскольку протеже отплатил своему покровителю «чернейшей неблагодарностью». Куда похвальнее было поведение Ф. О. П. де Монкрифа. Монкриф был всем обязан графу д'Аржансону, который, как упоминалось выше, провел его через все этапы идеальной литературной карьеры: три секретарства, отчисления от прибыли «Журналь де саван» («Газеты ученых»), место во Французской академии, апартамент в Тюильри и должность в почтовой службе с шестью тысячами ливров годового дохода. Когда Монкриф обнаружил несколько сатир на короля и мадам Помпадур, которые распространяла придворная клика, настроенная против Аржансона и поддерживавшая Морепя, он тут же разоблачил их авторов — и правильно сделал: писатель не только не может кусать руку, которая его кормит, а обязан бить по рукам всякого, кто принадлежит к вражескому лагерю.

Итак, протекция была основным принципом литературной жизни, и ее присутствие практически во всех рапортах подчеркивает отсутствие другого явления — литературного рынка. Изредка у Д'Эмри можно найти упоминание о писателе, который пытается прокормиться собственным пером. Например, в 1750 году рискнул положиться на рынок Габриэль-Анри Гайяр, ранее живший работой, которую ему поставял Вольтер (именитые писатели тоже оказывали покровительство): «Он был помощником библиотекаря в Коллеже де катр насьон, но оставил эту незавидную должность, став частным учителем в одной семье, куда его рекомендовал Вольтер. Он пробыл там всего полгода, а теперь живет сочинительством... В последних его произведениях множество славословий в адрес Вольтера, которому он весьма предан». Вскоре, однако, Гайяр поступил в редакцию «Газеты ученых», которая и обеспечивала его средствами до конца карьеры. У Д'Эмри рассказывается также о памфлетисте Ла Барре, пытавшемся литературным трудом выбиться из «чудовищной нужды», когда Ахенский мир упразднил его должность пропагандиста при Министерстве иностранных дел. «Оставшись по окончании войны вовсе без средств, он предоставил себя в распоряжение Ла Фольо [книготорговца. — Р.Д.], который содержит его и для которого он время от времени сочиняет по несколько вещей». Но такие случаи были редкостью — не из-за недостатка в бедствующих писателях, а прежде всего потому, что книгопродавцы не имели возможности или желания оказывать такую поддержку. В более поздней записи о Ла Барре Д'Эмри отмечает, что литератору в конце концов удалось получить «небольшую работенку в "Газетт де Франс"» — благодаря связям генерал-лейтенанта полиции.

Отчаянно нуждаясь в деньгах, сочинители обычно брались за незаконные дела, например, занимались контрабандным провозом запрещенной литературы или слежкой за контрабандистами и доносами на них полиции. Они не могли рассчитывать разбогатеть на каком-нибудь бестселлере, потому что продажа книг не сулила им никаких дивидендов — во-первых, из-за издательской монополии на все права, а во-вторых, из-за распространенности пиратства. Никогда не получая от-

числений от проданных книг, они уступали рукопись за аккордную плату или за определенное количество экземпляров, которые авторы либо продавали сами, либо дарили потенциальным покровителям. Рукописи крайне редко приносили большой доход, за исключением знаменитого случая с Руссо (6 тысяч ливров гонорара за «Эмиля») и 120 тысяч ливров, которые были выплачены Дидро за 20 лет работы над «Энциклопедией». По сведениям д'Эмри, Франсуа-Венсан Туссен получил всего 500 ливров за свой бестселлер под названием «Нравы», хотя его издатель, Делепин, заработал на нем не менее 10 тысяч ливров. Случай с Туссеном подтверждал общее положение: «Он много работает для книгопродавцев, из чего следует, что ему трудно сводить концы с концами». Д'Эмри замечает, что Жозеф де Ла Порт живет собственным пером «и у него нет других средств к существованию», как бы подчеркивая необычность такого положения. Чаще всего сочинитель стремился добиться *succes de prestige* (номинального успеха), чтобы привлечь к себе внимание покровителя, а затем получить местечко государственного чиновника или учителя в богатом доме.

Можно было также жениться. Жан-Луи Лесюэр оставил по себе мало памяти в истории литературы, но его жизнь представлялась идеальной с точки зрения нашего полицейского: не имея за душой ничего, кроме таланта и приятных манер, он приобрел репутацию, покровителя, синекуру и богатую супругу.

«Этот смысленный молодой человек сочинил несколько комических опер, которые пользовались на сцене изрядным успехом. Г-н Бертен де Бланьи познакомился с ним в театре, проникся сочувствием и поручил ему играть второстепенные роли с годовым жалованьем в три тысячи, чем тот до сих пор и занимается.

Он только что вступил в брак с женщиной, которая принесла ему весьма значительное состояние. Он явно достоин этого, поскольку он очень милый мальчик, со всеми любезный и благожелательный».

Д'Эмри относится к браку без тени скептицизма. Он считал его стратегическим ходом в карьере — или же ошибкой. Писательские жены никогда не числились в отчетах умными, культурными и допродажными. Они были либо богатыми или бедными. Так, д'Эмри не тратил сочувствие на Ш.-Ж.Кокле де Шоссьера: «Он женился на никчемной девушке из своей деревни — ни богатства, ни знатного происхождения. Единственное ее достоинство в том, что она в родстве с супругой бывшего прокурора апелляционного суда, который взял последнюю в жены для успокоения своей совести, сначала много лет прожив с ней как с любовницей». Пуатевену Дюлимону тоже едва ли светило выбраться из безвестности, поскольку он «весьма неудачно женился в Безансоне». «Неудачные» женитьбы приносили с собой не деньги, а детей, и из донесений перед нами предстает целый ряд несчастных «отцов семейства», решающих проблемы демографического характера: Туссен, которому пришлось стать наемным сочинителем, чтобы кормить одиннадцать детей; Муи, который был полицейским соглядатаем, потому что у него их было пятеро;

Дре де Радье и Рене де Бонневаль, отягощенные многочисленными отпрысками, а потому обреченные до конца своих дней быть низкопробными наемными писаками.

Получалось, что писателям, которым была необходима «удачная» женитьба, но которые не могли найти подходящей невесты, следовало воздерживаться от брака — что многие и делали. Д'Эмри всегда упоминает родственные связи, но о женах и детях речь у него идет раз двадцать, не более. Хотя сведения слишком разрозненны и делать твердые выводы сложно, похоже, что большинство писателей, в особенности из так называемых «интеллектуальных профессий», вовсе не женились. А если и вступали в брак, то чаще всего выждав, когда приобретут репутацию и синекуру, если не место в Академии. Таковы этапы пути Ж.-Б.-Л.Грессе, еще одного человека, преуспевшего в глазах инспектора: сначала несколько удачных спектаклей в «Комеди франсез», потом избрание в Академию и наконец, в возрасте сорока четырех лет, женитьба на дочери богатого купца из Амьена.

А как было писателю уберечься от страсти, пока он продвигается к бессмертию? Даламбер призывал «философов» жить в целомудрии и нищете. Но д'Эмри знал, что для плоти такая жизнь невыносима. Он признавал существование любви в не меньшей степени, чем экономической подоплеку брака. В донесениях на Мармонтеля и Фавара оба оказываются *amouraches* (влюблены), и каждый в одну из актрис, которых содержит Мориц Саксонский. «История» Мармонтеля столь же полна интриг, как и у Фавара; более того, она напоминает сюжет их собственных пьес.

Молодой драматург (за спиной старого маршала, Морица Саксонского) влюбляется в актрису, мадемуазель Верьер. Они увольняют лакея, чтобы без свидетелей предаваться своей страсти. Тем не менее лакей, которого маршал (а возможно, и полиция) используется как соглядатая, узнает об их связи, и вскоре влюбленные оказывают под угрозой катастрофы — потери 12 тысяч ливров годового дохода для актрисы и всяческой протекции для писателя. Впрочем, все кончается благополучно:

мадемуазель Верьер, по-видимому, удается загладить свою вину перед маршалом, а Мармонтель переключается на одну из ее товарок, мадемуазель Клерон. Заглянув во множество замочных скважин (самостоятельно или через посредников), д'Эмри со всей очевидностью понял, что большинство литераторов заводило себе любовниц.

Впрочем, и это, как говорится, легче сказать, чем сделать. Актрисы «Комеди франсез» не часто бросались в объятия нищих сочинителей, даже если те обладали внешностью Мармонтеля и Фавара. Мелкие писаки жили с женщинами своего круга — продавщицами, служанками, прачками, шлюхами. Счастливые семьи в подобных обстоятельствах редкость, а потом) и «истории» д'Эмри почти не имеют счастливых концов, особенно с точки зрения женщины. Возьмем, к примеру, личную жизнь А.-Ж.Шомекса, безвестного автора, прибывшего в Париж с малыми деньгами и большими надеждами. Поначалу он кормился на жалованье учителя пансиона, где у него была неполная нагрузка. Но вот школа закрылась, и он удалился в меблированные комнаты, где, пообещав потом жениться, соблазнил служанку. Вскоре, однако, Шомекс разлюбил ее. А когда он стал кое-что зарабатывать у книготорговца Эриссана, для которого писал антипросветительские памфлеты, брошенная невеста (возможно, беременная) потребовала компенсации у Эриссана — и получила со счета Шомекса 300 ливров. Затем Шомекс сошелся с сестрой другого заштатного учителя. На этот раз ему не удалось избежать брака, хотя эта женщина была, по словам д'Эмри, «сатаной в юбке, никчемной бабенкой, от которой ему не было никакой пользы». Через несколько лет Шомекс схватился за место частного учителя в России и сбежал, бросив жену с малышом-дочерью на руках.

Любовные связи представляли для литератора опасность, потому что иногда приходилось жениться, как бы плоха ни была партия. Д'Эмри сообщает, что А.-Ж.Менье де Керлон влюбился в содержательницу борделя и заключил с ней брак, чтобы выволить ее из тюрьмы. Он и оглянуться не успел, как оказался с семьей на шее. Его спасла от нищеты подкинутая кем-то работа в «Газетт де Франс», а затем должность редактора «Листов для обвинений», но он так и не отложил ничего на черный день, поэтому в старости снова пришлось рассчитывать на других: теперь ему помог пенсioen от одного финансиста. Как явствует из рассказов д'Эмри об их личной жизни, в домах терпимости нашли своего любовь еще несколько писателей. Не сумел расстаться с содержательницей заведения на перекрестке де Катр-Шемине, завсегдаем которого он был, поэт Милон. Драматург и будущий журналист Пьер Руссо жил с дочерью шлюхи, выдавая ее за свою жену. Не только посещали проститутток, но и женились на них два других наемных сочинителя, компилятор Ф.-А.Тюрпен и памфлетист Гене. Изредка богемные браки оказывались удачными. По признанию д'Эмри, Луи Ансом едва сводил концы с концами на жалованье заштатного учителя, пока не женился на сестре актрисы из Комической оперы («брак, заключенный не столько по доброй воле, сколько в силу обстоятельств»). Спустя два года Ансом почти процветал, сочиняя и ставя комические оперы. Но в большинстве случаев женитьба тянула литератора не вверх, а вниз. Привычная модель высвечена в двух жестких фразах из отчета о нищем драматурге Луи де Буасси: «Он благородный человек. Он женился на своей прачке». На общем фоне браки Руссо и Дидро (первый женился на полуграмотной прачке, второй — на дочери торговца полотняным товаром) отнюдь не выходят за рамки обычного.

* * *

Если писатели не могли прокормить себя пером и вести респектабельную семейную жизнь, каким виделось людям сочинительство как профессия? В трудах философов-просветителей уже высказывалась мысль о том, что литератор — человек достойный, а его призвание заслуживает всяческого уважения, но в рапортах д'Эмри ничего подобного нет. Хотя полиция признавала существование писателей и выделяла их среди прочих французов, отведя особое место в донесениях нашего инспектора, за сочинителем явно не числили ни профессии, ни положения в обществе. Он мог быть благородным господином, священником, правоведем или лакеем, но у него не было *qualite* или *condition* — «титула» или «звания», которые бы отделяли его от не-писателей.

Как подсказывают французские слова, д'Эмри пользовался старой социальной номенклатурой, в которой не находилось места для современных независимых интеллектуалов. Возможно, он и отставал в этом плане от Дидро и Даламбера, но его язык скорее всего отражал положение писателя в середине XVIII века. Полиция не могла отнести литератора ни к одной из традиционных общественных категорий, поскольку он еще не приобрел современные черты: человека, свободного от покровителей, интегрированного в литературный рынок и преданного своему призванию. При всей туманности терминов, которыми оперировали в отношении данного слоя общества, хочется задать вопрос: каков все-таки был статус писателя?

Хотя из полицейских рапортов вынести четкого ответа невозможно, в них содержатся весьма многозначительные детали. Например, д'Эмри часто называет литераторов *gardens* («мальчишки», «малые», «парни»), но это выражение никак не связано с возрастом. «Парнем» числится Дидро, хотя в

период написания рапорта ему было 37 лет он был женат и имел детей. «Мальчиками» оставались на четвертом десятке Пьер Сигорнь, аббаты Рейналь и де л'Экюз-де-Лож, не говоря уже о пятидесятилетнем «малом» Луи Маннори. От писателей, которые считаются взрослыми мужчинами и иногда даже фигурируют как господа, «мальчиков» отличает отсутствие твердого общественного положения. Кем бы они ни были — журналистами, учителями или аббатами, — они занимали шаткое положение в низах литературной республики. Они то брались за совсем низкопробные дела, то как будто выплывали на поверхность, но в любом случае их работа подпадала под категорию так называемых «интеллектуальных занятий» — приходится обращаться к этому анахронизму, поскольку в XVIII веке не было термина для обозначения людей вроде Дидро. Вот и д'Эмри не придумал ничего лучше «мальчика». Ему бы и в голову не пришло употребить это слово в отношении тридцатитрехлетнего маркиза де Сен-Ламбера или врача Антуана Пети, который был двумя годами младше. Слово *garçon* подразумевало маргинальность и призвано было обозначить необозначаемых — подозрительных предшественников современного интеллектуала, которые в полицейских досье обычно числились как «лица без определенного занятия».

Терминологию д'Эмри не следует приписывать особенностям речи озабоченного статусом чиновника: наш полицейский инспектор просто разделял предрассудки тогдашнего общества. Так, в донесении на Пьера-Шарля Жаме он мимоходом замечает: «Говорят, он из хорошей семьи», а про откупщика Шарля-Этьенна Песселье пишет: «Это человек чести [*galant homme*], что весьма редко можно сказать о поэте или финансисте». Но д'Эмри не был снобом. В рапорте на Туссе-на сказано. «Едва ли он высокого происхождения, поскольку родился в семье сапожника из прихода святого Павла. Тем не менее он человек вполне достойный». Даже когда у д'Эмри встречается плохой отзыв о каком-нибудь сочинителе, в нем выражено не столько мнение автора, сколько отношение к данному человеку его окружения. Естественно, четко разграничить личное и общественное трудно, но изредка, особенно в тех местах, где д'Эмри вставляет не относящуюся к делу ремарку, и тогда можно сказать о нем мнения, вероятно отражающие общепринятые взгляды. Например, в «истории» Жака Морабена инспектор как ни в чем не бывало бросает: «Он умен и является автором двукратного труда, ин-кварти, под названием «Жизнь Цицерона», посвященного графу де Сен-Флорантену, который оказывает ему протекцию и у которого он служит секретарем. Этот господин и передал его месье Эно» Значит, сочинителя можно было передать от одного покровителя к другому наподобие вещи.

Тон таких замечаний отражает привычное обращение с литераторами. Взбучка, которую получил Вольтер от слуг шевалье де Рогана, часто приводится как пример неуважения, проявлявшегося к писателям в начале XVIII века. Но писателя могли побить за оскорбление знатной особы и в эпоху «Энциклопедии». Видного пожилого драматурга Пьера-Шарля Руа чуть не забил до смерти слуга графа Клермонского — из мести за сатирическое стихотворение, написанное по поводу спорного избрания в Академию. В 40-х годах Ж.-Ф. Пуллен де Сен-Фуа держал в страхе зрителей тем, что колотил всех, кто осмивал его пьесы. Ходили слухи, что он прикончил нескольких критиков на дуэли и обещал отрезать уши любому рецензенту, который станет громить его произведения. Даже Мармонтель с Фрероном сцепились в ссоре. В антракте, пока бомонд прогуливался в фойе «Комеди франсез», Мармонтель потребовал сатисфакции за сатирические замечания, которые Фрерон позволил себе по его поводу в журнале «Анне литтерер» («Литературный год»). Фрерон предложил выйти на улицу. Они успели обменяться несколькими ударами шпагой, пока их не разняли и не препроводили к маршалам Франции, ведавшим делами чести. Но маршал д'Изанкьен отпустил их как «мелкую рыбешку, которой следует заниматься полиции», и в донесениях д'Эмри эта история названа «смешной». И у инспектора, и у любого другого француза того времени идея писательской чести и сочинителя, пытающиеся защищать ее на манер благородных господ, вызывали только смех.

Разумеется, многим писателям не приходилось волноваться по поводу протекции, избиений или насмешек над собой. Им не грозил брак со шлюхой, и их никто не осмелился бы назвать «мальчиком», потому что у них было собственное «звание», было твердое положение магистрата, стряпчего или государственного чиновника. Но обычный литератор рисковал подвергнуться со стороны жестокого мира любому обращению, современники и не думали возводить его на пьедестал. Пока просветители закладывали основы теперешнего культа интеллектуала, полиция выражала более привычный и приземленный взгляд на свою «рыбешку». Занятия литературой могли скрасить жизнь дворянина и принести синекуру человеку менее знатного происхождения, но чаще они просто плодили никчемных людей. Д'Эмри сочувствует семье Мишеля Портланса, способного молодого человека, из которого мог бы выйти толк, если бы только он оставил поэзию: «Он сын слуги, и у него есть дядюшка-каноник, который послал его учиться и надеялся сделать из него человека. Но он целиком посвятил себя поэзии, чем поверг дядюшку в отчаяние».

© Р. Дартон. Великое кошачье побоище...
© Век просвещения 2005

В то же время Д'Эмри восхищался талантом. Фонтенель был в его глазах «одним из самых замечательных гениев нашего столетия», а Вольтер — «орлом по духу и отвратительным субъектом по своим взглядам». Хотя в последнем отзыве слышится прежде всего инспектор полиции, тут присутствует и уважение. Д'Эмри с симпатией рассказывает о Монтескье и проблемах, возникших у него из-за труда «О духе законов»:

«Исключительно умный человек, который страшно мучится плохим зрением. Он написал несколько прекрасных сочинений, в том числе "Персидские письма", "Книдский храм" и знаменитый трактат "О духе законов"».

Подобные замечания были бы неслыханны при Людовике XIV, когда Вобану и Фенелону запретили появляться при дворе за гораздо менее дерзкие публикации и когда Расин, чтобы принять дворянство, должен был бросить писательское дело. Не пришлось бы они кстати и в XIX веке, когда Бальзак с Гюго ввели в моду героический стиль повествования, а Золя завершил покорение рынка. Д'Эмри отражал промежуточный этап в эволюции писательского статуса. Наш инспектор не считал сочинительство самостоятельной профессией, а тех, кто им занимается, представителями определенного класса, но он уважал литературу как вид искусства... и понимал, что за литераторами необходимо следить как за идеологической силой.

* * *

Хотя для Д'Эмри не существовало понятия идеологии, он постоянно сталкивался с ней, и не как с убывающим потоком Просвещения или нарастающим революционным сознанием, а в виде опасности, подстерегавшей на каждом углу. «Опасность» фигурирует в нескольких рапортах, обычно в связи с комментариями о подозрительных личностях. Д'Эмри прибегает к градации эпитетов: «хороший человек» (Фосс), «довольно плохой человек» (Оливье, Фебр, Неэль), «скверный субъект» (Куртуа, Пальмеюс) и «отвратительный субъект» (Гурне, Вольтер) или же «не вызывает подозрений» (Буасси), «подозрителен» (Кажозак) и «крайне подозрителен» (Люрок). Похоже, он взвешивал слова, тщательно отмеряя степень подозрительности для каждого обладателя досье. И, судя по контексту, «скверные субъекты» были чреватые «опасностью» в том смысле в каком она понималась полицией именно в ту эпоху. Пальмеюс был «опасным, скверным субъектом», потому что писал лицам, облеченным властью, анонимные письма против своих врагов. Репутация мадемуазель Фок де ла Сепед была не лучше, так как она поссорила двух любовников, поддельвая их почерк в письмах друг к другу, — вполне банальная интрига для сегодняшнего дня, которую Д'Эмри, однако, воспринял более чем серьезно: «Такой талант очень опасен для общества». Умение скомпрометировать кого-либо казалось особенно страшным в рамках системы, в которой взлеты и падения человека зависели от его *credit*, т.е. репутации, или доверия к нему. Лицам, пользовавшимся наибольшим доверием *gens en place*, или креатурам), было особенно много терять, если они впадали в немилость. Вот почему Д'Эмри настороженно относился к людям, которые собирали сведения о других, чтобы испортить их репутацию в глазах властей. Не случайно появилась следующая запись о П.-К. Нивелле де Ла Шоссе: «Он никогда не совершал ничего подозрительного, однако его не любят, считая опасным и способным тайно вредить людям».

Тайный вред (мысль о нем передается глаголами *mure* и *perdre*, «вредить» и «губить») обычно был разоблачением в виде доноса, и такое разоблачение противодействовало системе протекционизма. Д'Эмри сталкивался с разоблачениями на каждом шагу. Бедствующий поэт по фамилии Куртуа продал свое перо армейскому капитану, который хотел засадить за решетку ненавистного ему человека, подкинув в полицию анонимку с информацией о нем. Некая мадам Дюбуа, в пух и прах рассорившись с супругом, попыталась упрятать его в Бастилию с помощью письма под чужим именем, в котором утверждала, будто ее муж читал направленные против короля стихи, — дескать, она видела это собственными глазами во время масленичных гуляний. Банкир Никола Жуэн добился заключения в тюрьму возлюбленного сына, за что сын оплатил анонимным письмом, вскрывавшим отцовское авторство нескольких янсенистских трактатов, в том числе памфлета с выпадами против архиепископа Парижского, — и отец загремел в Бастилию.

Надзор за всем этим злословием отнимал у полиции уйму времени. Д'Эмри игнорировал случаи, когда на карту была поставлена репутация простых людей. В частности, он и ухом не повел, когда подавальщица из кафе пожаловалась на то, что брошенный ею любовник, поэт Роже де Сери, высмеял ее в памфлете. Зато он обратил пристальное внимание на Фабио Герардини, в памфлете которого чернилась родословная графа де Сен-Севрена; на Пьера-Шарля Жаме, который поносил главного инспектора и его предков; а также на Никола Лангле дю Френуа, который хотел издать историю Регентства «с весьма сильными выпадами против самых влиятельных семейств». Распространение порочащих сведений о кланах и клиентах затрагивало государственные интересы,

ибо в системе придворной политики личности были не менее важны, чем принципы, и одним удачным памфлетом можно было совершенно испортить чью-то репутацию.

Итак, деятельность идеологической полиции нередко заключалась в розыске памфлетистов и недопущении *bbelles* (пасквилей), поскольку клевета, появившаяся в печати, обозначалась именно этим словом. Д'Эмри всячески старался защитить доброе имя собственных покровителей, в частности генерал-лейтенанта полиции Никола-Рене Беррье и клику Аржансонов при дворе, и из его рапортов иногда явствует, что он искал автора по заданию начальства. Например, в сведениях на Луи де Каюзака инспектор сообщает: по словам Беррье, «его [Каюзака. — Р.Д.] считают опасным при дворе, посему им следует заняться с особым тщанием». Каюзак не сочинял революционных трактатов и тем не менее производил впечатление «скверного субъекта», поскольку сменил нескольких покровителей (перешел от графа Клермонского к графу де Сен-Флорантену, а от него — к финансисту ла Поплиньеру) и издал псевдояпонский роман под названием «Гри-гри»****, который мог испортить репутацию многим и многим придворным. Беррье точно так же посоветовал Д'Эмри последить за Ж.-А.Гером, «скверным субъектом» из приспешников Машо, поскольку он недавно ездил в Голландию, чтобы договориться о напечатании там каких-то «подозрительных манускриптов».

Донесения на таких поднадзорных изобилуют словами типа «подозрительный», «скверный» и «опасный». «Скверным» назван и Л.-Ш. Фужере де Монброн, так как он специализировался на пасквилях:

«Недавно напечатал в Гааге сочинение на восьми-девяти листах под заглавием "Космополит, гражданин мира" Это сатира на французское правительство, а в особенности на месье Беррье и маркиза д'Аржанса Последнего он [Монброн — Р.Д.] тем более недолгобливает, что (читает его причиной своей высылки из Пруссии, где проживал ранее»

© Самые опасные пасквилянты разили наиболее высокопоставленных особ королевска из-за границы. В апреле 1751 года Д'Эмри записывает, что Л.-М.Бертен де Фрато «в настоящее время находится в Лондоне, а прежде был в Испании. Он все еще говорит гадости про нашу страну и прыкнул к группе скверных субъектов, чтобы сочинить сатиры на нее». Спустя год инспектор сообщает, что Бертен сидит в Бастилии. Обнаружив несколько рукописей, спрятанных Бертенем в Париже, полиция послала в Лондон агента, который выманил пасквилянта из Англии и помог схватить его в Кале. Бертена продержали в тюрьме два с половиной года за «пасквили самого возмутительного свойства, направленные против короля и всей королевской фамилии».

По разумению Д'Эмри, работа инспектора включала в себя защиту королевской власти через подавление всякой деятельности, способной нанести ущерб авторитету короля. Оскорбительные памфлеты в адрес Людовика XV и мадам Помпадур, которые современный читатель воспринял бы как сплетни, казались ему подстрекательством к мятежу. Неудивительно, что он прибегает к самым сильным выражениям для пасквилянтов вроде Никола Лангле дю Френуа («опасный человек, готовый к свержению королевской власти»), а также памфлетистов и парламентских фрондеров, собиравшихся в салонах г-жи Дубле и г-жи Вьемезон («наиболее опасная компания в Париже»). Члены этих групп не просто обсуждали придворные интриги и политику; их перу принадлежали самые зловерные пасквили и заметки в рукописных газетах, которые распространялись «из-под поля» по всей Франции. С полдюжины этих первых хроникеров (поскольку они поставляли новости, их называли *nouvellistes*) фигурирует в отчетах Д'Эмри. Он относился к ним серьезно, поскольку они серьезно влияли на общественное мнение. Его осведомители слышали отголоски их *nouvelles* в кафе и парках, даже среди простонародья, которое передавало новости из уст в уста. Вот как сообщает соглядатай Д'Эмри о речи, которую держал Пиданса де Меробер, основной поставщик «новостей» для салона Дубле и «самый острый язык в Париже»: «Рассуждая о последних реформах [двадцатинном налоге.— Р. Д.], Меробер сказал, что кому-нибудь из военных следует уничтожить весь двор, который находит удовольствие в разорении простого народа и увековечении несправедливости».

Полицейские агенты неизменно собирали крамольные речи (*propos*) и всяческие пересуды, и писателей нередко сажали за них в тюрьму. Все это отмечает Д'Эмри в своих рапортах, где то и дело попадаются подозрительные личности: Ф.-З. де Лоберивьер, шевалье де Кенсона — воин, который превратился в «хроникера», «слишком много позволяющего себе в своих *propos*»; Ж.-Ф.Дре де Радье, которого выслали из страны «за его *propos*»; Ф.-П.Медлен де Сент-Илэр, которого отправили в Бастилию «за речи, направленные против мадам Помпадур», или Антуан Бре, также попавший в Бастилию за «подстрекательские *propos*, направленные против короля и мадам Помпадур». Иногда эти речи прямо-таки звучат у нас в ушах. Например, донесение на Пьера-Матиаса де Гурне, священника, географа и «отвратительного субъекта», напоминает стенографический отчет о витавших в народе настроениях:

«14 марта 1751 года, гуляя в садах Пале-Рояля и рассуждая о полиции, он сказал, что никогда еще в Париже не было более несправедливой и варварской инквизиции, чем теперь. Это презираемый всеми тиранический деспотизм. А источником его, продолжал он, является слабый и сластолюбивый король, которого интересуют лишь дурманящие его утехы. Бразды правления держит в своих руках женщина... Остальное нельзя было расслышать».

Та же тема всплывает в стихотворении, которое, дабы скомпрометировать мужа, прислала в полицию супруга торгового приказчика, мадам Дюбуа, а также в других стихах, которые были положены на мотив известных песен и распевались на каждом углу. Полицейские согладтаи докладывали о том, что слышат песенки вроде нижеследующей во всех слоях общества:

Lache dissipateur des biens de tes sujets,
Toi qui comptes les jours par les maux que tu fais,
Esclave dun ministre et dune femme avare,
Louis, apprendс Ie sort que Ie ciel te prepare.

Ты, праздный расточитель богатств подданных,
Считающий дни по тому злу, которое успел свершить,
Невольник министра и корыстолюбивой женщины,
Послушай же, Людовик, что уготовили тебе небеса*****.

О короле плохо отзывались все средства массовой информации того времени: книги, брошюры, газеты, молва, стихи и песни. Неудивительно, что окружающий мир казался д'Эмри довольно хрупким. Если главный покровитель утратил верность своих подданных, может рухнуть вся система охранительства. Нет, д'Эмри не предвидел революции, но, инспектируя литературную среду, он не мог не понимать, что монархия становится все более уязвимой для нападков со стороны общественного мнения. Пока придворные возносились и падали в зависимости от влияния своих покровителей, памфлетисты подрывали уважение народа к существующей власти, причем опасность могла исходить откуда угодно, даже из каморки исподлестку от плас де л'Эстрапад (площади Дыбы), где работал над «Энциклопедическим словарем» «парнишка» по имени Дидро.

И все же на первый взгляд кажется странным, что Дидро ассоциировался у д'Эмри с опасностью. Он ведь сочинял не пасквили, а просветительские трактаты. Просвещение же не причислено в рапортах к разрушительным силам. Более того, д'Эмри вообще ни разу не употребляет таких терминов, как *Lumieres* (Просвещение) или *phitlosophe* (просветитель). Хотя он вел досье практически на всех «философов», начавших печататься к 1753 году. Он не считал их единой группой, а в качестве индивидуумов многие из них заслужили похвальный отзыв инспектора. Он не только с почтением пишет о маститых просветителях вроде Фонтенея, Дюкло и Монтескье, он называет Даламбера «очаровательным как по характеру, так и по уму». Руссо фигурирует в донесениях в виде человека раздражительного и колкого, однако же «великого ума» и «больших достоинств», с особым даром к музыке и литературной полемике. Даже «отвратительный субъект» Вольтер предстает в первую очередь как интриган, известный не только в литературном мире, но и при дворе. Из знаменитых «философских» салонов он упоминает, причем мимоходом, лишь два — г-жи Жофрен и маркизы де Креки, совершенно игнорируя влиятельные группы интеллектуалов вокруг мадемуазель Леспинасс, мадам дю Деффан, мадам де Тансен и барона Гольбаха. Совершенно очевидно, что он не выделял этот слой общества и не представлял себе Просвещение в виде четкого общественного движения — если вообще задумывался о нем. Идейное течение, которое большинство учебников называет наиболее передовым в истории культуры, не попало в полицейские отчеты.

Впрочем, нет, оно в них попало, но лишь в виде подводного течения. В отличие от пасквилянтов и «хроникеров», Дидро представлял менее очевидную, но более коварную опасность: атеизм. «Это молодой человек, который изображает из себя остроумца и гордится своей нечестивостью; очень опасен; с пренебрежением отзывается о святых таинствах», — пишет д'Эмри. В его рапорте сообщается, что после таких ужасных сочинений, как «Философские мысли» и «Нескромные сокровища», Дидро сидел в тюрьме за «Письмо о слепых в назидание зрячим», а теперь трудится над «Энциклопедическим словарем» вместе с Франсуа-Венсаном Туссенем и Марком-Антуаном Эду. На этих сочинителей у д'Эмри были заведены отдельные досье, как, впрочем, и на их предшественника по работе над «Энциклопедией», Годфруа Селлиуса, и на книготорговцев, которые финансировали это издание. Все они предстают в виде сомнительных личностей, живущих на манер низкопробных писак: сегодня опубликуют компиляцию, завтра перевод, а между делом настрочат что-нибудь фривольное или антиклерикальное. Так, д'Эмри отмечает, что Эду снабжал Дидро скабрзным материалом для «Нескромных сокровищ», тайно выпущенных в 1748 году одним из

издателей «Энциклопедии», Лораном Дюраном, а другой энциклопедист, Жан-Батист де ла Шапель, поставлял нечестивости для «Письма о слепых»: «Он утверждает, что Дидро списал разговоры Сондерсона с него, а это, между прочим, самые сильные антирелигиозные места в "Письме о слепых"».

Перекрестные ссылки рапортов свидетельствуют о том, что Дидро водил плохую компанию и что эта компания плохо сказывалась на «Энциклопедии», особенно после того, как одного из его сотрудников, аббата Жана-Мартена де Прада, изгнали из Франции за ересь. В начале 1752 года сорбонские профессора нашли массу нечестивостей в диссертации на звание лиценциата, которую де Прад незадолго перед тем успешно защитил на своем богословском факультете. Обнаружение философского вздора в храме ортодоксии было неприятно само по себе (не говоря уже о нетребовательности экзаменаторов), но хуже было другое: труд де Прада оказался основан на «Предварительном рассуждении», т.е. введении к «Энциклопедии». Более того, аббат снабжал Дидро материалами по Вопросам теологии, жил в меблированных комнатах вместе с двумя другими сотрудниками, аббатами Ивоном и Пестре, и эта тройка энциклопедических аббатов была связана с аббатами-философами: Эдме Малле, еще одним автором «Энциклопедии»; Гийомом-Тома-Франсуа Рейналем, впоследствии снискавшим себе дурную славу книгой «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях»; и Гийомом-Александром Меэганом, впоследствии редактором «Энциклопедического журнала», попавшим в 1752 году в Бастилию за своего «Заратустру» (д'Эмри называет это сочинение «гнусным пасквилем против религии, который автор посвятил г-ну Туссену»). Де Прад и Ивон избежали той же участи лишь потому, что тайком покинули Францию, не утратив при этом связей с бывшими коллегами. По словам д'Эмри, Ивон продолжал писать для «Энциклопедии» из своего убежища в Голландии, тогда как Пестре вычитывал гранки памфлета в защиту де Прада, благополучно обосновавшегося в Пруссии, при дворе Фридриха II.

Сочетание аббатов-еретиков с мансардными атеистами вызывало подозрения к «Энциклопедии», однако д'Эмри — в отличие от более поздних комментаторов типа аббата Баррюэля — не обнаружил за ней заговора. Он явно не прилагал особых усилий, чтобы найти хотя бы большинство авторов. В его донесениях упоминается лишь 23 из них — менее 10% тех, кто написал хотя бы одну статью до 1765 года, когда вышли из печати ее заключительные тома. В 1748—1753 годах этот труд еще не стал проклятием для властей и символом Просвещения для читающей публики. «Энциклопедия» продолжала быть законным предприятием, пользовалась покровительством одного из начальников д'Эмри, директора книжной торговли Ламуаньона де Мальзерб, и была посвящена министру обороны, графу д'Аржансону. Вот почему инспектор не видел в ней серьезной идеологической опасности, хотя и следил за основными из ее первоначальных авторов.

А в Дидро он такую опасность видел, и не из-за энциклопедизма (понятие, которое ни разу не возникает в рапортах), а потому, что философ способствовал распространившемуся по всему Парижу духу свободомыслия. Д'Эмри особо отмечает, что, как докладывают агенты, Дидро насмеялся над причастием: «Он сказал, что перед концом жизни исповедуется и воспримет [в виде причастия. — Р.Д.] то, что называют Господом, но не по обязанности, а лишь ради своей семьи, чтобы ее не попрекали тем, что он умер нехристом». Д'Эмри огорчало такое отношение, тем более что оно было характерно и для многих других писателей. К именам некоторых из них он присовокупляет эпитет *libertin* (вольнодумный): это, в частности, Л.-Ж.-К. Сулас д'Алленваль, Луи-Матье Бертен де Фрато и Луи-Никола Геру. В эту категорию входят у д'Эмри популяризаторы науки, например Пьер Эстев, написавший материалистический трактат о происхождении Вселенной; историки, в том числе Франсуа Тюрбен, который превратил историю Франции в обвинительный акт церкви; а также целая когорта нечестивых поэтов, причем не только знаменитых «вольнодумцев» вроде Вольтера и Пирона, но и таких никому не известных стихотворцев, как Л.-Ф. Делиль де ла Древуевер, Ж.-Б. Ла Кост, аббаты Озанн и Лоржери, а также конторский служащий Оливье. Д'Эмри было известно, какие рукописи эти господа хранят у себя в портфелях и над чем и работают в настоящее время: Лоржери только что закончил «Эпистолу против церкви», а Делиль сочинял «поэму с нападками на религию». Поскольку д'Эмри докладывали о разговорах в салонах и кафе, он знал, что граф де Майбуа читал на рваном обеде непристойные стихи об Иисусе Христе и Иоанне Крестителе, что аббат Меэган в открытую проповедовал деизм, а Сезар Шено Дю Марсе был убежденным атеистом. Надзор за верой составлял важную часть полицейского инспектирования, а для д'Эмри эта работа, видимо, превращалась в определение того, насколько высоко взметнулась волна неверия.

Как происходил такой надзор и почему он был важен, может быть продемонстрировано на последнем примере — Жака ле Блана, скромного аббата, сочинявшего в своей версальской келье трактаты антирелигиозного характера. Завершив труд под названием «Могила предрассудков, на которых зиждутся основные религиозные догматы», ле Блан принялся за поиски издателя. Ему попался некто Валантен, утверждавший, что хорошо знаком с издательским делом в Париже, и предложивший выступить в качестве посредника. Но, прочитав краткое изложение рукописи, Валантен сообразил, что ему будет выгоднее донести на ле Блана архиепископу Парижскому и получить за это вознаграждение. Архиепископ послал его в полицию с указанием завлечь аббата в ловушку и поймать его *en flagrant delit* (на месте преступления). Д'Эмри с Валантенем придумали назначить ле Блану свидание в таверне на улице Пуассоньер. Валантен велел ле Блану явиться в чужом платье, чтобы его не узнали, и принести рукопись, поскольку ее жаждут купить два книгопродавца. Аббат сменил привычное облачение на потрепанную черную пару да еще надел старый парик. Он прибыл на свидание в назначенный час, всем своим видом напоминая выдавшего лучшие времена разбойника с большой дороги (как не без сочувствия отмечает в рапорте д'Эмри). Валантен представил аббата книготорговцам — на самом деле переодетым полицейским. Но когда они уже собирались заключить сделку, налетел д'Эмри, сгреб манускрипт и потащил аббата в Бастилию. Из этого маскарада можно было бы сделать занятную историю, но в изложении инспектора она стала серьезной и грустной. Валантен предстает из нее мерзким авантюристом, ле Блан — введенной в заблуждение жертвой, а рукопись — произведением беззаконным и вредным. Д'Эмри пересказывает ее основные положения следующим образом: Библия — собрание бабушкиных сказок; чудеса, совершавшиеся Христом, — басни, которыми обманывают доверчивых; религии — христианство, иудаизм и ислам — ложны; а все доказательства существования Бога суть нелепости, «выдуманнные из политических соображений». Инспектора особенно волновала политическая подоплека инцидента: «Завершается манускрипт словами: "Писано в городе солнца (т.е. в Версале, где абба жил во время сочинения трактата), в таверне ханжеской", под которым подразумевается его монастырь».

Д'Эмри не отделял нечестивость от политики. Хотя болосовские споры были ему неинтересны, он считал, что атеизм подрывает авторитет королевской власти. Иными словами, «вольнодумцы» представляли не меньшую опасность, чем «пасквилянты», а потому полиции надлежало узнавать ее в обеих ипостасях — и когда наносились удары ниже пояса в виде личных оскорблений, и когда угроза заключалась в духе, исходившем из мансард «философов».

Неудивительно, что Дидро предстает в полицейских рапортах воплощением такой угрозы: «Очень умный мальчик, но невероятно опасный». Если сравнить сведения о нем с донесениями на остальных пятьсот литераторов, выявляется определенная закономерность. Как и многие другие, он относился к мужскому полу, среднему возрасту и происходил из семьи образованных ремесленников небольшого городка под Парижем. Жену Дидро тоже взял скромного происхождения, а еще он три месяца просидел в темнице Венсеннского замка и долго бедствовал, пробавляясь случайными заработками. Разумеется, в рапортах д'Эмри можно проследить и другие закономерности, другие судьбы. Ни одной социологической формуле не под силу охватить их все, поскольку литературная республика была расплывчата, не имела четко отграниченного пространства, а у писателей не было собственного профессионального лица и они оставались раскиданы по всем слоям общества. Тем не менее своим описанием Дидро инспектор выделил критический элемент предреволюционной Франции, элемент, который требовал особо пристального наблюдения со стороны полиции. Изучая то, как полиция надзидала за Дидро и ему подобными, мы видим интеллектуала, образ которого приобретал все более явственные очертания и становился все более влиятельной силой во Франции раннего Нового времени.

* К сожалению, ни слово «интеллектуал», ни тем более слово «интеллигент» не соответствует полностью английскому термину *intellectual*, поэтому их употребление в данном тексте следует принимать с оговорками.

** Во Франции XVIII века «философами» называли писателей и мыслителей, сочувствовавших идеям Просвещения.

*** Отдел Генштаба, ведавший военной разведкой и контрразведкой.

**** Пирона избрали академиком в 1753 году, однако король запретил ему занять это почетное место.

***** Возможно, это название переводится как «Талисман».

***** Как и в английском тексте, перевод почти дословный.

Воспроизведено по:

Р.Дарнтон. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: Новое литературное обозрение. 2002.

© Век Просвещения 2005